

МАРИЙСКИЙ ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА»
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА,
ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ ИМ. В. М. ВАСИЛЬЕВА

**Археология
и этнография
марийского
края**

Выпуск 21

ЙОШКАР-ОЛА 1992

МАРИЙСКИЙ ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА»
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА,
ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ им. В. М. ВАСИЛЬЕВА

**Средневековые
Древности
Волго-Камья**

ЙОШКАР-ОЛА 1992

Печатается по решению Ученого совета
Марийского научно-исследовательского института языка,
литературы и истории им. В. М. Васильева

Статьи сборника посвящены публикации и интерпрета-
ции новых материалов, полученных археологическими рас-
копками последних лет в бассейнах Камы и Средней
Волги

Научные редакторы:
Г. А. Архипов (ответственный), *В. В. Никитин*

М. Г. Иванова, Е. М. Черных

ЖИЛЫЕ СООРУЖЕНИЯ ГОРОДИЩА ИДНАКАР IX—XIII вв. (раскопки 1990 г.)

Особенности становления и эволюции строительных традиций пермских народов неоднократно привлекали к себе внимание археологов и этнографов. Однако с сожалением приходится отмечать, что многие аспекты этой проблемы еще ждут своего исследователя. Сложность изучения домостроения ранних этапов заключается в том, что крайне недостаточно полноценных исходных материалов, получаемых археологами непосредственно при раскопках поселений как в силу неудовлетворительной сохранности самих памятников, особенностей их культурного слоя, в котором плохо сохраняются остатки сооружений, строившихся из дерева, так и по причине несовершенства методики их вскрытия и фиксации. Поэтому публикация новых материалов с достаточно хорошо сохранившейся стратиграфией представляется особенно актуальной.

В последние десятилетия в результате изучения средневековых поселений бассейна р. Чепцы получены исключительно богатые материалы. Особенно значительны они на городище Иднакар, одном из крупнейших памятников Прикамья IX—XIII вв. Здесь вскрыты десятки сооружений, в том числе и жилых. Часть из них уже получила освещение в литературе¹, но жилища в них рассматривались только в общем плане, поэтому мы нашли возможным более подробно представить новые материалы двух жилых комплексов, вскрытых в полевом сезоне 1990 года.

Следует отметить, что жилища конца I — начала II тысячелетия н. э. были известны еще по исследованиям А. П. Смирнова и С. Г. Матвеева на чепецких городищах Дондыкар, Учцакар, Иднакар и Сабанчикар в 1926—1929, 1936 гг.² Однако раскопки методом траншей не могли дать достаточных оснований как для реконструк-

¹ Иванова М. Г. Городище Иднакар (Результаты исследований 1975—1977 гг.//Материалы средневековых памятников Удмуртии. Ижевск, 1985; Иванова М. Г. Производственные сооружения городища Иднакар//Новые исследования по древней истории Удмуртии. Ижевск, 1988.

² Смирнов А. П. Дондыкарское городище//Труды НОИВК. М., 1929. Вып. 4; Он же. Очерки древней и средневековой истории Среднего Поволжья и Прикамья. М., 1952.— (МИА. № 28). Матвеев С. Г. Городище Сабанчикар//Труды НОИВК. М., 1929. Вып. 4.

ции планировки поселений, так нередко и самих сооружений. Интересны публикации жилищ Маловенижского и Весьякарского городищ В. А. Семенова с подробным описанием вскрытых сооружений и графической реконструкцией жилища с Весьякара³. Но при общности основных черт жилые сооружения Иднакара и Гурьякара имеют несколько иные конструктивные особенности.

Городище Иднакар расположено на правом берегу р. Чепцы, при впадении в нее р. Пызеп, у д. Солдырь Глазовского района Удмуртской ССР. Общая его площадь, включая оборонительные сооружения из двух линий валов и рвов, составляет около 40 тыс. кв. м, территория меньшей укрепленной площадки — 18 тыс. кв. м. В результате систематических исследований, ведущихся с 1974 г., здесь вскрыто около 6 тыс. кв. м, изучены десятки сооружений, первая линия укреплений, часть территории между валами.

Культурный слой укрепленной части памятника в среднем составляет 100—110 см, ближе к южному склону сокращается до 25—30 см. Основной культурный слой — гумусированная супесь с золой мощностью 40—70 см, в которой выделяются отдельные прослойки угля, дерева, глины и в которой залегают все сооружения и находки. Этот слой подстилается серовато-коричневой плотно утрамбованной глиной с гравием, где четко выявляются ямы от столбов и кольев, канавки. Материк — красно-коричневая глина. Культурный слой на городище, как и на других чепецких памятниках, аморфный, границы сооружений, строившихся из дерева и не имевших углубленного котлована, при раскопках четко не прослеживаются. Поэтому особенно тщательно приходится изучать вертикальные разрезы, характер слоя, расположение столбовых ям, распределение вещевого инвентаря. Но при этом основным определяющим признаком, как было замечено, являются площадки ярко-оранжевой прокаленной глины, четко выделяющиеся в слое золистого гумуса.

Рассматриваемые в статье сооружения занимают южный ряд жилищ, расположенный в 20 м от края площадки (рис. 1). Южнее никаких сооружений, кроме системы очагов, не выявлено. Выборка жилищ велась горизонтальными зачистками, с послойной фиксацией через 5—10 см всех изменений характера культурных напластований, расположения объектов внутри построек, вещевых находок. Применение данной методики позволило выделить два строительных горизонта (верхний и нижний) и проследить изменения в конструкции и планировочной структуре жилища.

Жилище 1 (нижний горизонт, рис. 2—Б). При его постройке часть площадки городища была подрезана, прямо на материковой

³ Семенов В. А. Маловенижское городище Пор-кар//Средневековые памятники бассейна р. Чепцы. Ижевск, 1982; Семенов В. А. Городище Весьякар//Материалы средневековых памятников Удмуртии. Ижевск, 1985.

глине сооружена прямоугольная вымостка из плотно утрамбованной глины с песком. Правильные очертания вымостки, а также оконтуривающие ее углистые полосы позволяют предполагать наличие деревянной рамы-опалубки. Вымостка регулярно подновлялась, чередующиеся подмазки хорошо видны в разрезе, они придают вымостке форму слоеного пирога, пласты которого разделяются тонкими зольно-углистыми прослойками. Вымостка по всей вероятности служила основанием очага-каменки, который помещался в ее юго-западном углу, а также покрытием пола. В основании очага сохранилось овальное углистое пятно размерами 112×66 см.

Глина вымостки неравномерно прокалена, яркость прокала убывает по мере удаления от центра к краям. При последующих перестройках дома камни из очага были разбросаны, часть использовалась при сооружении нового, а часть выброшена. Беспорядочно разбросанные они были найдены в западной половине дома.

Контуры самой постройки очень слабо прослеживались в культурном слое, определялись, главным образом, по наибольшей насыщенности слоя золой и находками. В плане она имела прямоугольную форму, длиной 8,4 м и шириной исследованной части 6,1 м. Длинной осью постройка ориентирована по линии север—юг. Вдоль западной стенки, снаружи, отчетливо фиксировался слой строительного мусора — щепы и опила.

Пол в западной половине постройки был несколько приподнят, здесь выявлены два достаточно четких ряда ям от столбов, поддерживающих, очевидно, нары-лежанки. Диаметр ям 10—12 см. Первый ряд находился на расстоянии 0,3—0,4 м от стены, второй — 1,5—1,8 м. Любопытно, что такую же ширину имели нары в домах удмуртов, описанных историками и этнографами в XVIII в. Планиграфические наблюдения показывают, что нары-лежанки занимали всю длину дома. Возможно, подобные же нары были устроены и вдоль восточной стенки, где расчищены остатки обугленных плах. Но это могли быть и остатки сгоревших конструкций перекрытия.

В северо-западном углу жилища была вырыта хозяйственная яма прямоугольной формы глубиной до 1 м, стенки которой были обшиты деревом. Судя по тому, что яма прорезает пласты глиняной вымостки, за исключением самых верхних, она могла относиться к позднему периоду существования жилища. Последняя подмазка вымостки значительно сократила ее длину. Если первоначальная длина глиняной подушки превышала 4 м, то на окончательном этапе она составляла только 3,2 м. Ширина же не менялась на всем протяжении функционирования постройки.

Расположение входа в дом определить довольно сложно, деталей, привлекая косвенные данные, его нахождения в южной тор-

цовой стене, так как боковые стены были заняты нарами, а выходу в северной стенке препятствовала яма.

Стратиграфические наблюдения за культурным слоем показывают, что жилище существовало довольно продолжительное время. Оно было построено в раннем периоде функционирования поселения, на материковом слое, неоднократно обновлялось. По разрезу площадки прокаленной глины четко выделяются два основных периода его существования. Однако, несмотря на то, что здесь обнаружено большое количество вещей, все они принадлежат к предметам бытового характера, свидетельствующим больше о занятиях владельцев дома, нежели о его датировке. Это пряслица, костяные подвески-копоушки, вязальная игла с игольницей, точильные бруски, железные ножи, костяной пищик-манок и наконечники стрел. Интересна костяная накладка лука в виде прямоугольной пластины с парными отверстиями на обоих концах. Для установления даты жилища важны находки бус — двух желтых лимоновидных X—XI вв.⁴ и шаровидной стеклянной желтого цвета XI—XII вв.⁵. На основании этих и других находок, возможно предположение, что жилище I функционировало в X—XI вв. и, по-видимому, в начале XII в. Затем оно прекратило свое существование и на его месте было выстроено второе, с новой площадкой прокала, сооруженной чуть западнее.

Жилище 2 (верхний горизонт), несколько смещено к северу и западу от прежнего, но почти полностью повторяет его конструкцию. В плане оно имело прямоугольную форму, размером 7,5×6,0 м. От заполнения первого жилища отделяется древесной прослойкой, напоминающей корье, толщиной до 10 см. На этом слое, опять же в центральной части, но с заметным смещением к южной стене, была сооружена глиняная вымостка размерами 2,5×2,5 м. В середине этой подушки выявлена зольно-углистая линза овальной формы, размерами 1,2×0,9 м, очевидно, основание очага, камни из которого были обнаружены за пределами постройки (рис. 2—А).

Хозяйственная яма из прежнего жилища была забутована глиной, но рядом выкопана другая, прямоугольных очертаний, размерами 2,0×1,25 м. Отвесные стенки ямы обшиты деревом, дно промазано глиной. Сверху яма накрывалась дощатой крышкой, от которой сохранились доски шириной 20 см и толщиной 2 см.

Нары, как и в прежнем жилище, располагались вдоль западной и восточной стен. Часть настила из досок длиной 2,4 м и шириной 20 см сохранилась в западной половине постройки, рядом с глиняной вымосткой. Доски были настланы вдоль длинной стены,

⁴ Шапова Ю. Л. Стеклянные бусы древнего Новгорода // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. I. С. 173—175. — (МИА. № 55).

⁵ Там же. С. 165, 166.

параллельно ей, укреплялись, очевидно, в пазах бревенчатых стен. Дополнительными опорами могли служить колья диаметром 10 см, от которых сохранились ямки в грунте. Кроме того, со стороны помещения лежанка могла поддерживаться невысокой стенкой из уложенных друг на друга бревен (3—4) так, что под настилом образовывалась ниша-ящик, куда складывалась различная домашняя утварь.

У северной стены выявлена кучка золы и костей, которые, очевидно, выгребались из основного очага, но не выбрасывались на улицу, а аккуратно складывались здесь же в доме, возможно, в специальный ящик. Подобный ритуал известен по этнографическим источникам. Так, в удмуртской куале рядом с очагом находилось еще место, куда выгребались зола и кости, считавшиеся священными («бугро»)⁶. На городище Иднакар такие зольные кучи сопровождают практически все жилые постройки. Находки в жилище 2 немногочисленные — костяной наконечник стрелы, — точильный брусок и обломок тигля. Это может объясняться близким к поверхности залеганием остатков жилища, что и предопределило его значительную разрушенность. Жилище, по-видимому, функционировало с середины XII в. до прекращения жизни на городище не ранее середины XIII в.

Находки в жилищных комплексах кусочков шлака и тиглей (жилище 2), скоплений створок речных маллюсков, использовавшихся в изготовлении глиняной посуды (жилище 1), говорят об их полифункциональном использовании. Такие виды производственной деятельности как гончарство, металлургия (частично) осуществлялись в домашних условиях.

Интерпретация изученных остатков как жилых не вызывает сомнений. Аналогичные сооружения были выявлены на городищах Гурьякар⁷ и Весьякар⁸. На основании археологических материалов жилой дом чепецкой культуры нам представляется следующим образом. Это была срубная постройка, устанавливаемая непосредственно на грунт, без фундамента. В некоторых случаях, возможно, использовались невысокие столбы-стулья в качестве опор под нижний венец сруба. Сруб не был высоким, поскольку даже в поздних описаниях жилищ финских народов количество венцов в них не превышает 7—11. Необходимая высота достигалась, скорее всего, за счет отсутствия потолка. В центре дома, на земляном полу, устраивалось основание под очаг, представлявшее собой глиняную, плотно утрамбованную подушку, забранную в

⁶ Пинт А. И. К истории удмуртского жилища // Учен. зап. НИИ народов Советского Востока при ЦИК СССР. М., 1931. Вып. 2. С. 91.

⁷ Иванова М. Г. Городище Гурья-кар. Результаты исследований 1979 г. // Средневековые памятники бассейна р. Чепцы. Ижевск, 1982.

⁸ Семенов В. А. Городище Весья-кар.

деревянную раму. На подушке выкладывались камни в виде примитивной печки-каменки так, что одна сторона оставалась открытой. Вдоль стен настилались лавки-лежанки из плах или досок. Дым из очага выходил, как и в поздних удмуртских куа, через отверстие в крыше. В удмуртском эпосе сохранились об этом любопытные сведения:

«... Каждый год, когда весной
распускаются деревья,
тот священный воршуд-лебедь
покидает чум священный
через отверстие для дыма
в крыше, где очаг старинный»⁹

Крыша могла быть как одно-, так и двухскатной. В традиционных финских постройках оба типа крыши одинаково распространены. Бревна перекрытия могли опираться как на столбы, так и на самцы (в тех случаях, когда ямы от столбов-опор не фиксируются). Покрытием служили плахи, кора, луб, прижимавшиеся жердями, скрепляемыми по фасаду огнивом. Такой прием был широко распространен в строительстве финно-угорских народов от Финляндии до Урала, поскольку позволял обходиться без гвоздей¹⁰.

Анализ внутреннего устройства жилища позволяет предполагать расположение входа в одной из торцовых стен (в северной или южной), в зависимости от места постройки в общей планировке поселка. Это могла быть маленькая дверь, без каких-либо дополнительных пристроев, хотя у некоторых жилищ имелись тамбуры или навесы на столбах, оформляющие вход в постройку. Хозяйственная яма в жилищах Иднакара, за небольшим исключением, уже не встречается. Чаще всего она располагается за пределами жилого помещения, или очень близко примыкает к дому с внешней стороны. Последнее обстоятельство вызывает необходимость устройства над кладовой перекрытия, которое, соединившись с домом, возможно, послужило прообразом будущей клетки. В этнографических работах встречается описание так называемого «пролета» — маленькой глухой комнаты, отделенной от избы капитальной стеной, где хранятся посуда и хозяйственные продукты. Эта комната находилась в исключительном владении женщин¹¹. Во всяком случае, вопросы генезиса отдельных хозяйственных и бытовых построек пармских народов требуют самостоятельного рассмотрения.

Предлагаемый вариант реконструкции жилищ Иднакара не

⁹ Худяков М. Г. Песнь об удмуртских батырах (Из народного эпоса удмуртов. Песни, сказания)//Проблемы эпической традиции удмуртского фольклора и литературы. Устинов, 1986. С. 117.

¹⁰ Шумилов Е. Ф. К вопросу о древнейших формах удмуртского народного зодчества//Искусство Удмуртии. Ижевск, 1975. Вып. I. С. 250.

¹¹ Добротворский Н. Пермяки//Вестник Европы. 1983. № 3. С. 249.

претендует на исчерпывающую полноту. На укрепленной части городища к настоящему времени вскрыто не более 1/5 части площади, пригодной для исследования. Не исключено, что дальнейшие исследования могут внести дополнения и коррективы. Тем более, что предыдущими исследованиями на одновременных городищах были вскрыты жилища несколько иных конструкций. На городищах Дондыкар и Учкакар пол жилищ площадью 20—25 кв. м полностью состоял из дощатого настила, очаг находился в углу дома. Жилища больших размеров были обнаружены В. А. Семеновым на городищах Весьякар (6,5×8 м) и Маловенижском Поркаре (6,2×8,1 м), но здесь не было мощных площадок прокала, пол был из гальки с песком, глиняная вымостка значительно меньших размеров служила лишь основой для очага.

Раскопки Иднакара широкой площадью неожиданно выявили рядовую застройку городища. В первые годы ближе к мысовой части были вскрыты два ряда жилищ, расположенных вдоль центральной части площадки с запада на восток. По северному и южному краям размещались производственные и хозяйственные сооружения. Однако в последние годы выявлен еще один ряд жилищ на северной и два ряда на южной части площадки. Таким образом открылось, что жилые сооружения на Иднакаре располагались пятью не совсем четкими рядами, идущими от мысовой части к валу.

Почему такая планировка оказалась неожиданной? До сих пор считалось, что для удмуртов до реформы 60-х годов XIX в. была более характерна беспорядочная застройка поселений. Название улицы северные удмурты заимствовали у русских (ульча), а южные — у татар (урам). Пока трудно с определенностью утверждать, что ряды жилищ на Иднакаре составляли улицы, однако несомненно, что планиграфические особенности мыса определили здесь более рациональную рядовую застройку.

Попытаемся определить место чепецких построек среди одновременных им жилищ Приуралья. Согласно данным исторических источников, в середине II тысячелетия н. э. район междуречья Волги и Камы был заселен мари, татарами, волжскими болгарами, удмуртами, коми-пермяками, немногочисленными группами башкирских, угорских племен, а также более мелкими этническими формированиями, принадлежавшими к разным языковым семьям. Достаточно хорошо изучены жилища волжских болгар. Для периода X—XIII вв. известны как наземные срубные дома с двухскатной крышей, деревянным полом и подпольем, так и наземные глинобитные, землянки и полуземляночные постройки (раскопки Булгара, Сувара, Джукетау, Тигашевского городищ)¹². Хуже изучены посе-

¹² Смирнов А. П. Волжские болгары. М., 1951. С. 139; Хлебникова Т. А. К истории города Жукогина (Джуке-тау) домонгольской поры//СА. 1975. № 1. С. 242—248.

ления и жилища древних мари. Г. А. Архипов считает возможным использование древними марицами ям (погребов) в качестве жилья без печи¹³, допускает и существование наземных домов срубов с печами, о чем, на его взгляд, косвенно свидетельствуют находки железных скоб для скрепления бревен, найденных на Мало-Сундырском городище XIV—XV вв.¹⁴

На поселениях Перми Вычегодской достоверные остатки жилищ не выявлены, хотя часто повторяющиеся комплексы из хозяйственных ям и очагов (на Турьинском городище очаг был устроен на глинистой прослойке)¹⁵ в какой-то мере позволяют предполагать существование здесь наземных срубных домов. Исследованиями свердловских археологов в Нижнем Приобье выявлены нехарактерные для данного региона срубные постройки с печками-каменками и дощатым полом, которые авторы считают возможным связывать с миграцией сюда в XI—XIII вв. коми-зырян¹⁶.

В бассейне Средней Вятки, заселенной до прихода сюда русского населения местными финно-угорскими племенами (большинство исследователей связывают их с удмуртским племенем Ватка), изучены остатки жилых построек наземной прямоугольной в плане конструкции, со слабоуглубленным котлованом и открытым очагом в углу и в центре. По углам одной из построек зафиксированы следы столбов — опор конструкции стен. Автор публикации материалов с раскопок поселения Искра видит в постройке черты, сближающие ее с куалой удмуртов¹⁷. Жилища XIII—XIV вв. на этом поселении оставлены уже русским населением. Это прямоугольные и квадратные срубы с печью в углу¹⁸.

Больше возможностей для сравнения представляют, на наш взгляд, материалы поселений X—XIV вв., оставленные племенами родановской культуры на Верхней Каме, генетическая связь которых с современными коми-пермяками достаточно убедительно обоснована В. А. Обориным¹⁹. В географическом плане этот регион также очень близок к бассейну р. Чепцы. Поселения родановцев, изученные М. В. Талицким, О. Н. Бадером и В. А. Обориным хорошо известны. Жилые постройки, раскопанные на Родановом и

¹³ Архипов Г. А. Марийский край в памятниках археологии. Йошкар-Ола, 1976. С. 147.

¹⁴ Там же. С. 148.

¹⁵ Савельева Э. А. Пермь Вычегодская. М., 1971. С. 35.

¹⁶ Морозов В. М. Средневековые поселения и постройки Сургутского и Нижнего Приобья//Проблемы Урало-Сибирской археологии. Свердловск 1986. С. 105. (БАУ. Вып. 18).

¹⁷ Макаров Л. Д. Поселение Искра — новый памятник в бассейне Средней Вятки//Памятники железного века Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 1984. Вып. 2. С. 97.

¹⁸ Там же. С. 104.

¹⁹ Оборин В. А. Этнические особенности средневековых памятников Верхнего Прикамья. Свердловск, 1970. С. 27. (БАУ. Вып. 9).

Кыласовом (Анюшкар) городищах, частично опубликованы²⁰. Наблюдения за стратиграфией позволили авторам раскопок выделить хронологические этапы в эволюции домостроительных традиций древнепермских племен. Так ранние родановские жилища (IX—XI вв.) представляли собой наземные легкие срубы с двухскатной крышей из жердей и тамбуром перед входом. По периметру стены построек были окопаны неглубокой канавкой и присыпаны завалинкой. Глинобитный очаг, иногда заключенный в деревянную раму, располагался в центре дома. Рядом находилась яма-кладовка четырехугольной формы с обшитыми деревом стенками. Вдоль длинных стен постройки устраивались широкие нары. На позднем этапе (XII—XIII вв.) изменяется, главным образом, внутренняя планировка дома. Яма выносится за пределы постройки²¹. Пол представляет собой сплошную глиняную вымостку. Что касается размеров домов, то, по нашему мнению, их уменьшение можно рассматривать лишь в плане тенденции. Жилища малой площадью 24—30 кв. м и большой — 70—80 кв. м существуют как на раннем, так и на позднем этапе. Таким образом, у чепецких домов по конструктивно-планировочным элементам наибольшее сходство обнаруживается с родановскими жилищами.

Анализируя особенности жилищ предшествующего полемского населения р. Чепцы второй половины I тысячелетия н. э., В. А. Семенов уже отмечал большое влияние верхнекамских строительных традиций в домостроении²². Исследователь считает для полемцев уже достаточно обычным сооружение наземных срубных домов, без фундамента, с земляным или подсыпанным из смеси песка и глины полом, глинобитным очагом, хозяйственной ямой и дощатыми нарами²³. Все эти особенности, закрепившись в устойчивую традицию, почти без изменений доживают до XII—XIII вв., получив свое развитие в жилищах чепецкой культуры, а через нее и в традиционном зодчестве удмуртов.

²⁰ Талицкий М. В. Верхнее Прикамье в X—XIV вв. // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. III. М., 1951. — (МИА № 22).

²¹ Бидер О. Н., Оборин В. А. На заре истории Прикамья. Пермь: Кн. изд-во, 1958, с. 203.

²² Семенов В. А. Материалы к истории жилищ и хозяйственных сооружений удмуртов в VI — первой половине IX вв. // Материалы археологических памятников Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 1979, с. 156.

²³ Там же, с. 150, 151.

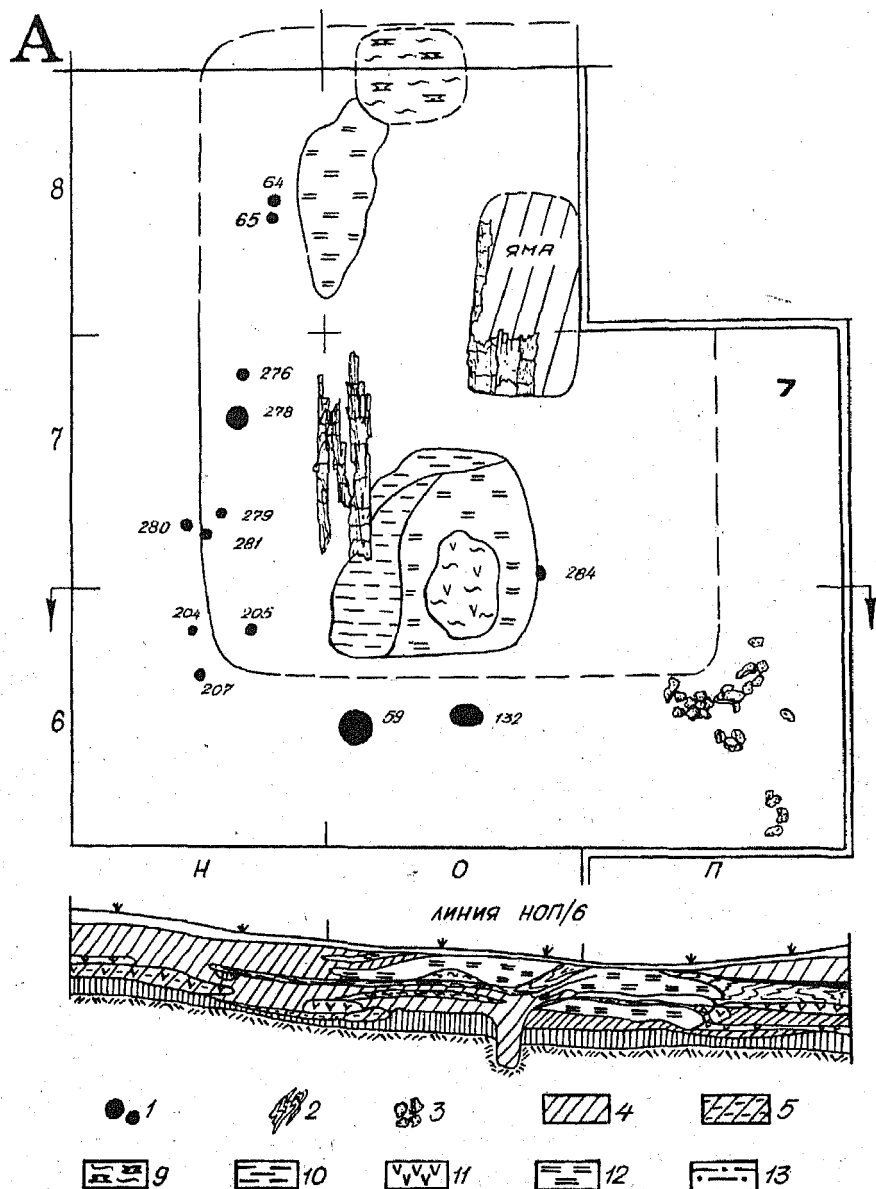
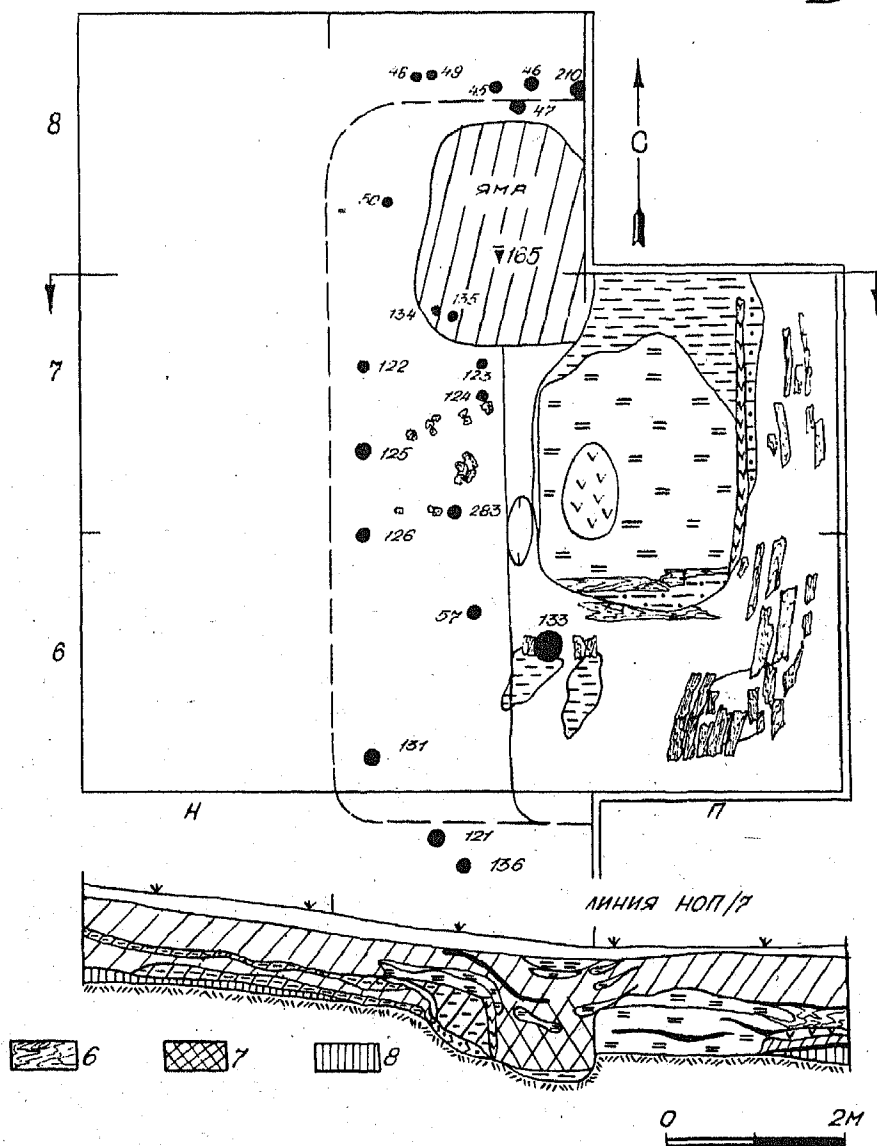

Рис. 2. Жилые сооружения городища Иднакар раскопок 1990 г. А — жилище № 2, Б — жилище № 1. 1 — столбовые ямки, 2 — дерево, 3 — камни, 4 — гумусиро-

Б

ванная супесь с золой, 5 — глина с песком, 6 — древесный тлея, 7 — темный гумус, 8 — предматерик, 9 — обожженные кости, 10 — глина, 11 — угли, 12 — прокаленная глина с песком.

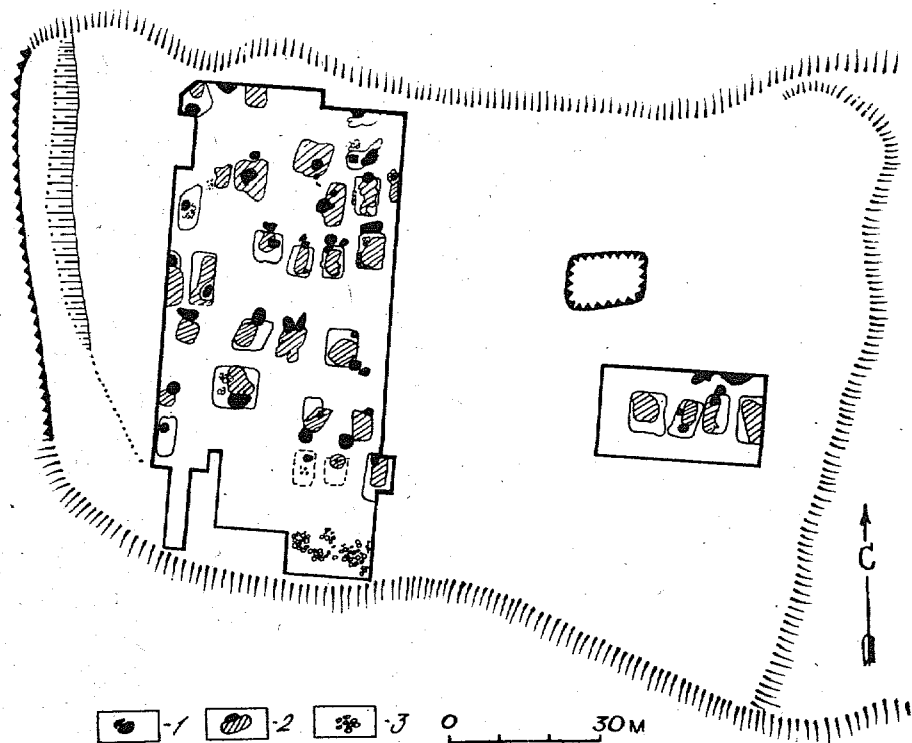

Рис. 1. Размещение сооружений на изученной части площадки городища Иднакар.
1 — ямы, 2 — площадки прокаленной глины, 3 — очаги.

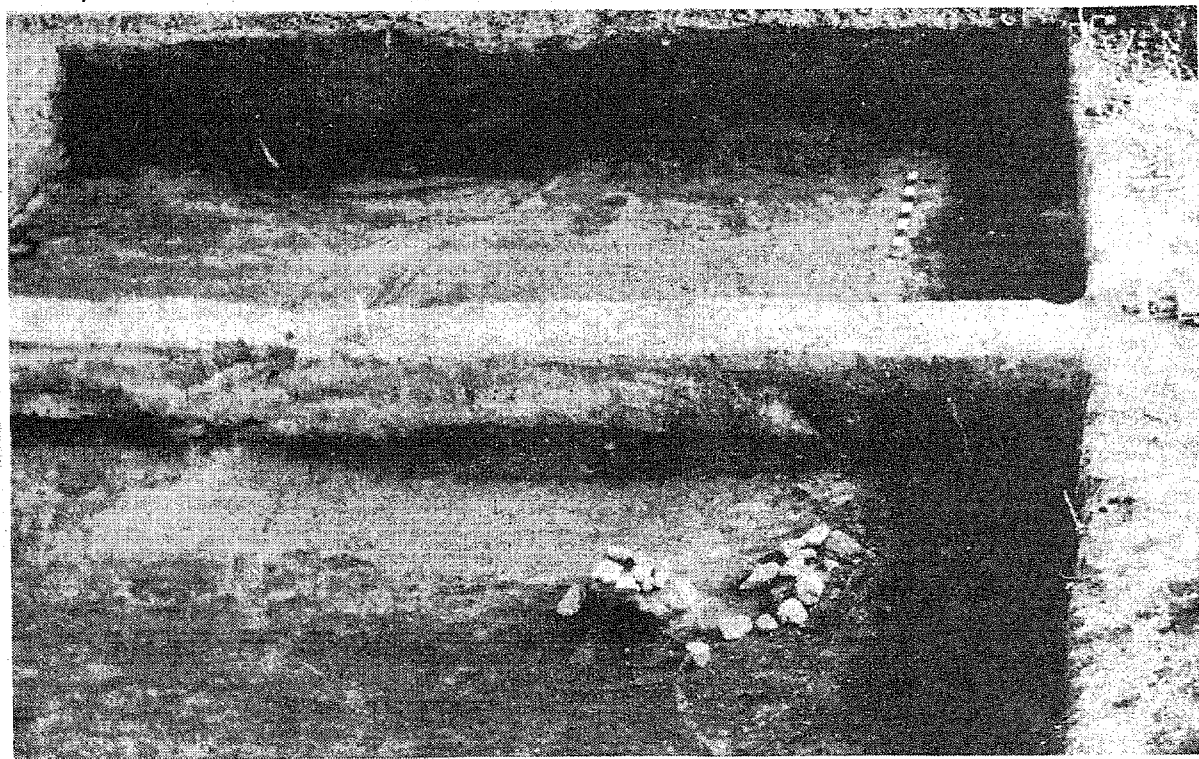

Рис. 3. Городище Иднакар. Вид на жилище № 1 с юга на глубине 60 см.